

Прекрасна, как в "Колдунье"

Культура. — 1999. — 18-24 февр. — с. 11

Марина Влади в спектакле "Вишневый сад"

В уголок российской провинции конца прошлого века предлагается заглянуть зрителю на самой феенсбельной улице Парижа — Елисейских полях. Здесь играют Чехова.

"В мире нет режиссера, который не мечтал бы поставить "Вишневый сад". Любой актер считает себя счастливым, когда ему предлагают сыграть роль в этой пьесе", — говорит режиссер Жорж Вильсон. Ему удалось реализовать свою мечту: "Вишневый сад", увиденный его глазами, идет в театре "Эспас Пьер Карден", в двух шагах от Елисейского дворца.

Спектакли во французской столице начинаются не раньше 20.30 и идут без антракта. Билет на "Вишневый сад" стоит 200 — 300 франков (40 — 50 долларов). Зрители сидят в зале прямо в пальто — в гардеробе надо платить 10 франков (2 доллара), да и прохладно — отопление стоит слишком дорого. До минимума сокращено и число актеров — театры на самоокупаемости. "Чистое безумие — решиться на постановку этой пьесы, в которой более полутора десятков действующих лиц!" — не устает повторять, качая головой, режиссер-постановщик.

Жорж Вильсон превосходно выходит из положения — он сам играет Гаева, а элегантный молодой человек во фраке, продавав-

ший программки на входе, во втором действии уже исполняет роль Прохожего.

Нехитрые декорации меняют сами актеры при чуть приглушенном освещении. Маленькая труппа производит впечатление не "членов коллектива", а "соучастников", едино мыслящих и чувствующих. Редкое явление в западных постановках русских пьес — совершенно российский, истинно чеховские образы. Лопахин в исполнении Бернара-Пьера Доннаде — "наш мужик", ничего не скажешь. Под его шагами хлипкие французские половицы только повизгивают. Симон Спортис — природный "облезлый" вечный студент Трофимов.

Любовь Андреевну играет Марина Влади. Она завораживает все теми же сияющими глазами, которые очаровали когда-то нас в "Колдунье", той же неподражаемой женственностью и грацией. Своим серебряным голосом она всегда произносит русские имена чисто по-русски, не меняя ударений. Слабая, растерянная Раневская в исполнении Влади — сама любовь, благородство, сердечность. В нее все влюблены — и на сцене, и в зале.

Постановка проста, без модных авангардистских эффектов, но не классическая, к которой приучали нашего зрителя. Она пронизана

на сострадательной иронией и самоиронией. Может быть, в этом и состоит магия чеховской драматургии, где трагедия почти неотделима от фарса, а высокая поэзия — от грязной прозы?

На премьеру в театр "Эспас Пьер Карден" пришли театралы, критики, актеры и продюсеры. Гостей встречал сам великий кутюрье в бежевом кашемировом пальто. Казалось бы, столь просвещенная публика должна знать "Вишневый сад" почти наизусть, но реагировали зрители непосредственно, как дети. То заливались громким искренним смехом, то, ближе к окончанию, откровенно начинали всхлипывать. Когда сцена опустела и раздался знакомые нам со школьной скамьи звуки — "далеко в саду топором стучат по дереву", — кто-то в партере вскрикнул.

Аплодировали артистам долго. Даже кричали "браво" — редкость в Париже. Занавес уже дважды опускался, а зрители все хлопали и хлопали. "Столько серьезных специалистов пытались объяснить, в чем загадочное очарование этой пьесы, — сказал Жорж Вильсон, — но не надо пытаться объяснить неизъяснимое..."

Ольга КАЛМЫКОВА

Париж